

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Левченко Илья Евгеньевич

**ГЕНЕЗИС ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ТАНАТОСОЦИОЛОГИИ:
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 5.4.1. Теория, методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Екатеринбург – 2022

Работа выполнена на кафедре прикладной социологии ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Грунт Елена Викторовна

Официальные
оппоненты:

Корочкова Ольга Николаевна, доктор исторических наук, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург), профессор кафедры археологии и этнологии

Невелева Вера Сергеевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры» (г. Челябинск), профессор кафедры философии и культурологии

Прямикова Елена Викторовна, доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург), профессор кафедры философии, социологии и культурологии

Защита состоится 26 января 2023 г. в 11 часов 00 минут на заседании Диссертационного совета УрФУ 5.4.02.03 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=4077>.

Автореферат разослан «__» декабря 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор социологических наук,
профессор

Антонова Наталья Леонидовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется «вневременной» проблемой – люди живут от рождения до смерти, рано или поздно покидая этот мир. Личностное измерение неизбежного ухода отягощено бесконечной чередой сообщений в огромном информационном поле о жертвах пандемии, производственных травм, аварий, дорожно-транспортных происшествий, подростковых «групп смерти», тяжких преступлений, трагических межэтнических и межконфессиональных конфликтов, жестоких войн.

Мы все являемся участниками взаимопересекающихся, противоречивых процессов глобализации и локализации. Повседневная гонка на выживание нацелена на обретение достойного места среди сильнейших, наиболее преуспевших. Иллюзия грядущих богатств «заслоняет» вечность и не позволяет усвоить опыт чужих ошибок. Изгнание смерти из жизни влечёт за собой дегуманизацию континуума, свидетельства тому – неподобающее отношение к ушедшим, усеченные церемонии прощаний, мародёрство и вандализм на кладбищах и т. п.

Вполне закономерно, что танатосоциологическая проблематика активно обсуждается на международных и отечественных социологических конгрессах, что также подтверждает актуальность темы исследования. Изучение феномена смерти в социологии обусловлено желанием ученых понять сущность процессов «взаимодействий» живых с умершими в многовековых культурах разных социумов.

В широком плане постижение опыта анализа проблемы смерти в ведущих школах западноевропейской социологии призвано помочь по достоинству оценить вклад предшествующих поколений в развитие общества, определить модели поведения личности в сложных ситуациях, охарактеризовать особенности культуры отношения к умершим, углубить понимание специфики преемственности поколений.

В российском социуме сложился ряд противоречий:

во-первых, между высокими показателями преждевременной смертности людей и слабой сформированностью у них установок на самоохранительное поведение;

во-вторых, между плодотворностью междисциплинарного анализа смерти как исторического феномена и ограниченностью ее узкоспециального изучения лишь в рамках (пост)современности;

в-третьих, между последовательной разработкой социологии смерти как отрасли социологического знания за рубежом и недостаточностью исследований по этой теме в отечественной науке;

в-четвертых, между низким уровнем мемориальной культуры россиян и необходимостью развития у граждан исторической памяти о прошлых поколениях;

в-пятых, между общественной потребностью в обеспечении отрасли ритуальных услуг квалифицированными кадрами и отсутствием многоуровневой системы подготовки сотрудников для муниципальных, государственных и частных похоронных организаций.

В профессиональном плане исследование феномена смерти может способствовать развитию мировой социологии, показать комплиментарность существующих в ней парадигм и помочь разработке новых интегративных теорий.

В истории социологии создана плодотворная база идей и концепций по изучению различных аспектов смерти, проведены эмпирические исследования, ориентированные на выявление конкретных причин, характеристик, функций и последствий смерти. В связи с этим, становятся актуальными историко-социологические исследования основных подходов к становлению и развитию социологии смерти в зарубежной и российской науке.

Степень научной разработанности проблемы определяется ее экзистенциальным характером и многоаспектностью. В последние десятилетия получили развитие Death Studies как междисциплинарное направление исследования смерти.

В танатологических работах (М.Ф.К. Биша, Р.Л.К. Вирхов, А.В. Демичев, С.А. Корсаков, Р.Л. Красильников, А.П. Лаврин, И.И. Мечников, С.В. Рязанцев, Г.В. Шор и др.) раскрываются причины и закономерности умирания людей, посмертные изменения их организмов, богатство общекультурного опыта осмысления смерти.

В зарубежной (С. Гроф, Э. Кюблер-Росс, В.Э. Франкл, З. Фрейд и др.) и отечественной (Ю.Р. Вагин, Ф.Е. Василюк, А.А. Налчаджян, А.П. Поногребский и др.) психологии смерти исследуются отношение людей к умиранию и смерти, страх смерти, стадии психической смерти личности.

В криминологии (Ю.М. Антонян, Я.И. Гилинский, В.Н. Кудрявцев, Д.А. Шестаков и др.) объясняются причины и условия совершения особо тяжких преступлений, характеризуется личность преступника.

В демографии (А. Блум, В.А. Борисов, А.Г. Вишневский, В.М. Медков, Б.Ц. Урланис и др.) рассматриваются эндогенные, экзогенные и квазиэндогенные причины смертности, ее исторические (архаичный, традиционный и современный) типы, особое внимание уделяется младенческой и женской смертности.

Антропологи (А.К. Байбурин, А. ван Геннеп, Б.К. Малиновский, М.И. Мосс, С.В. Мохов, В. С. Невелева, А. Юбер и др.) подчеркивают, что смерть не является одномоментным актом, она предстает как протяженный во времени процесс.

История смерти (Ф. Арьес, Ю.Л. Бессмертный, Ж. Ле Гофф, А.Я. Гуревич, В.А. Исупов, Б.Н. Миронов и др.) отслеживает, как в различные эпохи менялось восприятие смерти и связанные с ней практики.

Благодаря зарубежной (Л. Бинфорд, А. Сакс, Дж. Тэйнтон, Г. Чайлд и др.) и отечественной (Н.И. Бармина, Н.А. Берсенёва, А.Г. Герцен, Л.С. Клейн, О.Н. Корочкова, Ю.А. Смирнов, В.И. Стефанов и др.) археологии смерти можно установить особенности погребальных обрядов прошлого и определить социальный статус умерших.

В иностранных (А. Ассман, М. Блэк, И. Паперно, И. Рейфман, К.Л. Харт Ниббриг, Н. Тумаркин, А. М. Эткинд и др.) и российских (Вяч.Вс. Иванов, Ю.М. Лотман, О.А. Седакова, М.М. Фёдорова, Т.В. Чередниченко, Г.Ш. Чхартишвили и др.) культурологических исследованиях отражена многоликость феномена смерти и своеобразие танатологической культуры.

Чрезвычайно широк круг танатофилософских работ. К осмыслению социальных аспектов смерти в античной философии обращались Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Тит Лукреций Кар, Марк Туллий Цицерон и Луций Анней Сенека, в философии Возрождения — Н. Макиавелли и Т. Мор, в социальной философии Нового времени — Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк, А. Смит, Ш.-Л. де Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, А. де Сен-Симон и др.

Комплексный анализ вопросов (включая танатофилософские) по истории философии осуществили зарубежные (Д. Антисери, Х. Арендт, Ж. Батай, М. Бур, Ж.-П. Вернан, Г. Ирриц, А. Кожев, М. Ласки, Б. Рассел, Дж. Реале, К. Поппер и др.), отечественные (В.Ф. Асмус, Л.М. Баткин, А.С. Богомолов, В.В. Бычков, А.В. Гулыга, А.Ф. Лосев, М.К. Мамардашвили, Б.В. Мееровский, И.С. Нарский, Т.И. Ойзерман, В.И. Рутенбург, В.В. Сапов, В.В. Соколов, М.А. Юсим и др.) и уральские (С.Е. Вершинин, А.С. Гагарин, Е.В. Грунт, В.Т. Звиревич, А.Г. Кутлуниин, К.Н. Любутин, В.С. Невелева и др.) ученые.

В христианской теологии штудии, посвященные смерти, провели Аврелий Августин, Бертольд Регенбургский, Фома Аквинский, М. Лютер, Ж. Кальвин и др.

Феномен смерти в истории богословской мысли рассматривался зарубежными (Г. Брендлер, Г. Кюнг, Э. Жильсон, А. Макграт, П. Тиллих, Э. Трёльч и др.) и отечественными (В.А. Бачинин, С.А. Исаев, В.В. Лазарев, Г.Г. Майоров, Н.В. Ревуненкова, Э.Ю. Соловьев и др.) исследователями.

В религиоведении имеется множество работ (С.А. Токарев, Дж. Фрэнгер, А.А. Хисматулин, М. Элиаде, И.Н. Яблоков и др.), посвященных анализу репрезентации феномена смерти в различных религиях.

Проблематику социологии смерти можно обнаружить в трудах классиков французской (Р. Вормс, Р. В. Герц, Ж.А. де Гобино, Д.Э. Дюркгейм, И.М.О.Ф.К. Конт, Ш.-М.Г. Лебон, Ф. Ле Пле, Ш.Ж.М. Летурно, Ж.В. де Лапуж, Ж.-Г. де Тард, М. Хальбвакс и др.), британской (Г. Мартино, Д.С. Милль, Г. Спенсер, Х.С. Чемберлен и др.) и немецкой (О.Г.

Аммон, М.К.Э. Вебер, Л. Вольтман, Г. Зиммель, К.Г. Маркс, Ф. Тённис, Ф. Энгельс и др.) социологии.

Плодотворные историко-социологические изыскания провели иностранные (Р.К.Ф. Арон, Э. Гидденс, А.У. Гоулднер, Р.Г. Дарендорф, Л.А. Козер, Д. Ла Капра, Ю. Каубе, С. Люкс, Р.К. Мертон, М. Пиккеринг, Дж. Ритцер, П.-А. Тагиефф, Е. Шацкий и др.), дореволюционные отечественные (С.Н. Булгаков, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Н.К. Михайловский, Е.В. Де Роберти, В.С. Соловьев, П.А. Сорокин и др.), современные российские (Г.С. Батыгин, В.А. Бачинин, А.Б. Гофман, Ю.Н. Давыдов, Б.З. Докторов, Л.Г. Ионин, А.И. Кравченко, Е.В. Осипова, Д.Г. Подвойский, Н.Л. Полякова, А.Ф. Филиппов, В.Ф. Чеснокова и др.) и уральские (Е.С. Баразгова, С.Ю. Вишневский, В.А. Глазырин, Г.Е. Зборовский, Е.В. Прямикова и др.) ученые.

За рубежом весомый вклад в разработку социологии смерти внесли представители неоклассической (Т.Л.В. Адорно, Г. Маркузе, Я.Л. Морено, У.Л. Уорнер, М. Хоркхаймер и др.), постклассической (З. Бауман, М. Керл, М. Малкей, О. Паттерсон, Н. Элиас и др.) и неклассической (П.Л. Бергер, Ж. Бодрийяр, Б. Глезер, Т. Лукман, А. Стросс, Т. Уорнер и др.) парадигм.

Значительный интерес представляют публикации по социологии смерти современных отечественных исследователей (М.Э. Елютина, Л.Г. Ионин, Л.Н. Коган, Д.М. Рогозин, С.В. Филиппова и др.), а также по социологии медицины и здравоохранения (Н.Л. Антонова, М.В. Клеймёнов, А.В. Меренков и др.), социологии социальной работы (Е.Б. Архипова, А.В. Старшинова, Н.Г. Чевтаева и др.).

Вместе с тем изучение историко-философской, историко-богословской, историко-социологической и критико-аналитической литературы показало, что в России не публиковались монографические и диссертационные исследования исторического и теоретико-методологического характера по социологии смерти. Это обуславливает теоретическую актуальность историко-социологического анализа генезиса социологии смерти и предопределило выбор темы, объектно-предметную область исследования, его цель и задачи.

Объект исследования – предыстория и история западноевропейской классической социологии.

Предмет исследования: генезис западноевропейской танатосоциологии.

Целью диссертационной работы является историко-социологический анализ истоков и становления западноевропейской танатосоциологии.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

- 1) охарактеризовать танатосоциологию как отрасль научного знания;
- 2) структурировать танатосоциологию;

- 3) определить сущность и виды социальной смерти;
- 4) осуществить классификацию практик похорон, погребений и организации кладбищ на основе танатосоциологического анализа сохранения памяти об умерших;
- 5) разработать методологию и источниковедение изучения истории танатосоциологии;
- 6) рассмотреть влияние философских воззрений на формирование социологии смерти;
- 7) выявить теологические корни социологии смерти;
- 8) исследовать предпосылки социологии смерти в социальной философии Нового времени;
- 9) раскрыть содержание контизма как первоисточника танатосоциологии;
- 10) показать особенности процесса создания социологии смерти во Франции;
- 11) проанализировать становление танатосоциологии в британской и немецкой научных школах.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования является сочетание нескольких подходов: проблемного, антропологического, феноменологического, танатосоциологического, структурно-функционального, историко-философского, историко-богословского, историко-социологического, институционального и неинституционального. При этом история танатосоциологии рассматривается в общем контексте социально-исторического и социокультурного процесса в качестве его неотъемлемой части.

В диссертации применялись следующие **методы исследования**: генетический, периодизации, биографический, компаративистский, реконструктивный, источниковедческий и традиционный анализ документов.

Источниковую базу диссертационного исследования составило творческое наследие классиков западноевропейской философии, теологии и социологии.

Научная новизна диссертационной работы заключается в выявлении генезиса танатосоциологии в рамках философии и теологии Античности, Средневековья, Возрождения и Реформации, социальной философии Нового времени и западноевропейской классической социологии.

Основные научные результаты, полученные автором и **содержащие новизну**, состоят в следующем:

1. Предложена авторская трактовка сущности танатосоциологии как отрасли социологического знания с учетом ее места в системе Death Studies и социологической науки.

2. В науке впервые осуществлено структурирование танатосоциологии и выделен ряд ее субдисциплин.

3. Обоснована авторская интерпретация феномена социальной смерти и ее видов.

4. Впервые в танатосоциологии выстроена классификация похорон, погребений и кладбищ.

5. Разработана авторская методология исследования и источниковедения истории западноевропейской танатосоциологии, которая может быть применена в историко-социологических исследованиях другой направленности.

6. Исследовано зарождение социологии смерти в философии Античности.

7. Установлены истоки социологии смерти в христианской теологии Античности, Средневековья и Реформации.

8. Охарактеризованы предпосылки социологии смерти, содержащиеся в социальной философии Нового времени.

9. Раскрыто содержание контизма как первоисточника танатосоциологии.

10. Выявлена специфика становления танатосоциологии в рамках развития социологической мысли во Франции.

11. Определены особенности философско-социологического анализа смерти в Великобритании и Германии.

В соответствии с обозначенными выше пунктами научной новизны **на защиту** выносятся следующие **положения**:

1. Танатосоциология — это отрасль социологического знания, изучающая место и роль феномена смерти в жизни общества, взаимодействие социальных субъектов в системе отношений к нему, формы организации похорон, духовные и социальные связи с умершими, обусловленные объективными и субъективными факторами.

Главные отличия социологического анализа феномена смерти заключаются в рассмотрении:

а) взаимодействия социальных субъектов при столкновении со смертью, отношения и подготовки к ней;

б) ожиданий того, что происходит после смерти;

в) возможностей отдаления смерти с помощью особого образа жизни, самосохранения и воскрешения;

г) связей с умершими в формах прощания, погребения, сбережения памяти о них;

д) влияния мертвых на живых на основе использования опыта прошлых поколений.

2. Танатосоциология включает следующие субдисциплины — моросоциологию, социологию социальной смерти, социологию

ненасиленной смерти, социологию насильственной смерти, социологию похорон и некросоциологию.

3. Социальная смерть выступает как процесс и результат самоустранения и/или исключения социального субъекта из жизни социума, в значительной степени детерминированные состоянием социокультурного континуума. Ее инвариантами являются гражданская, политическая, экономическая и духовная смерть.

4. Предложено классифицировать смерть как социокультурное явление по ряду критериев:

а) похороны — количество усопших, пол, возраст, семейное положение умершего, брачный и социальный статусы покойного, причины и обстоятельства смерти, законность, открытость, организация, технологии, церемониал, характер, условия, присутствие, способы, перемещение, территория, продолжительность, время суток, сезон года, уровень затрат, численность участников мероприятия;

б) погребения — период, способ, расположение, размещение, место, устройство, конструкция, форма, благоустройство, сохранность, количество погребенных, пол, возраст, брачно-семейный, труположение, ориентация, заполнение, обстоятельства, структура, порядок захоронения, конфессиональный;

в) кладбища — период, организация, состояние, принадлежность, статус, ландшафт, расположение, состав, тип погребений, благоустройство, историко-культурное назначение, состояние.

5. Эвристичность при изучении истории западноевропейской танатосоциологии обеспечивается применением методологии, сочетающей историко-философский, историко-богословский, историко-социологический, институциональный и неинституциональный подходы, использованием результатов анализа письменных, фонографических, визуальных, вещественных и антропологических источников.

6. Установлено, что в античной философии впервые были теоретически осмыслены и обоснованы основные формы рационального отношения к смерти:

а) «синтетическое», соединявшее сожаление о завершении жизни и осознание смерти как естественного итога развития болезней и старости и/или закономерного/случайного результата войн, чрезвычайных обстоятельств и т. п. (платонизм, аристотелизм, цинизм);

б) безразличие к смерти перед лицом всеобщей смертности (эпикуреизм);

в) принятие смерти как избавления от страданий (стоицизм).

7. Выяснено, что в античном и средневековом христианском богословии доминировали представления:

а) о духовной смерти как богооставленности;

б) о физической смерти как зле и благе: у человека как творения Божьего при смерти в воздаяние за грехи душа расстается с телом и он неизбежно переходит из мира посюстороннего (состояния пред-жизни) в потусторонний (жизнь вечную). Теологи детально регламентировали порядок похорон, безусловно осуждали суицид, оправдывали жестокие меры наказания преступников и ведение войн против еретиков и неверных.

В теологии Реформации акцентируется способность людей вести добродетельный деятельный образ жизни, избавляться от страха смерти, размышляя о ней, и достойно встретить последний час (надежда на помощь Господа), в иных случаях смерть – справедливое возмездие за содеянное.

8. Утверждается, что в социальной философии Нового времени наблюдается обогащение идей предшествующих мыслителей о границах допустимого и порицаемого – суициде и эвтаназии, смертной казни и войне. Произошел поворот к естественнонаучному объяснению смерти, наряду с которым сохранялись идеалистические трактовки феномена, значительное внимание уделялось анализу этико-правовых, социально-медицинских и психолого-педагогических аспектов проблемы смерти. На танатологические взгляды философов значительное влияние оказали обстоятельства их жизненных судеб и религиозные воззрения. Благодаря успехам, достигнутым в точных и естественных науках, присущие им методология (антитеологизм, рационализм, материализм) и исследовательские методы (наблюдение, эксперимент) стали активно применяться и в социально-гуманитарном знании.

9. Доказано, что, согласно О. Конту, позитивизм обеспечивает «соединение» живых и умерших. Ученый определил контуры социологического исследования феномена смерти, где сочетались спекулятивно-философский и социолого-реалистический подходы. По сути, он заложил основы новой науки как социологии жизни и смерти.

10. Показано, что важнейшую роль в становлении танатосоциологии в рамках развития социологической мысли во Франции сыграли представители позитивистски ориентированных (расово-антропологическое, органицистское, психологическое) и католического направлений, Дюркгеймовской школы. Этому способствовал ряд факторов: преподавание специальных курсов в университетах, открытие специализированных журналов, создание профессиональных сообществ, проведение конгрессов, что расширило возможности исследователей для обсуждения танатосоциологических проблем. Им принадлежит заслуга в углублении социологического познания феноменов «физиологическая смерть», «естественная смерть» и «социальная смерть», насильственной смерти (суицид, жертвоприношение, террор), погребальных практик, траура и коллективной памяти. Становление танатосоциологии протекало в условиях дифференциации и вычленения новых дисциплин

(девиантологии, криминологии, суицидологии) и отраслевых социологий — религии, морали, права, войн и др.

11. Раскрыто, что изначально британская социология смерти ориентировалась преимущественно на нерелигиозный позитивизм, благодаря этому возникло несколько плодотворных методологических подходов (Г. Мартино, Г. Спенсер) к анализу смерти, развивалась прикладная танатосоциология. Танатосоциологические изыскания и распространение информации о них в обществе стимулировали социальное служение и социальную работу как форм оказания помощи людям в случае социальной смерти.

12. Определено, что в середине XIX – начале XX веков в Германии проводились прикладные исследования, посвященные распространению эпидемий и суицидам, возникли профессиональные объединения, участники которых изучали феномены ненасильственной и насильственной смерти. Здесь вне позитивистской традиции были разработаны оригинальные концепции смерти (марксистская, формально-социологическая и веберовская).

Теоретическая значимость исследования. Обоснованные автором концептуальные положения социологического анализа феномена смерти, методология и источниковедение исследования истории западноевропейской социологии смерти конституируют танатосоциологию как новую отрасль в системе отечественного научного знания, что стимулирует развитие Death Studies в России.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть применены для совершенствования деятельности по формированию и развитию самосохранительного поведения населения и систем профилактики социальной смерти в медицинских учреждениях, институтах социального служения и социальной работы, для повышения качества деятельности ритуальных организаций.

Материалы исследования также могут быть использованы при разработке учебных курсов «История социологии», «Методология социологического исследования», «Танатосоциология» и «Теория социальной работы» для студентов высших учебных заведений.

Достоверность результатов, полученных в ходе диссертационного исследования, обеспечивается методологической обоснованностью исходных теоретических положений, использованием методов и процедур сбора, обработки и анализа данных, релевантных поставленным цели и задачам.

Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта специальности ВАК. Исследование выполнено в рамках специальности 5.4.1. Теория, методология и история социологии и соответствует формуле Паспорта специальности в следующих пунктах:

1. Предыстория теоретической социологии в социально-философских концепциях, начиная с Античности.

4. История зарубежной социологической мысли, включая западноевропейские, американские, восточные социологические школы.

6. Теоретические подходы классиков в их современном «прочтении», то есть их применение к исследованиям современности.

7. Критический анализ, развитие и/или разработка современных теоретико-методологических подходов в общей и отраслевой социологии (общетеоретические исследования) и в новых направлениях социологических исследований.

13. Использование приемов и техник анализа, заимствуемых из других дисциплин, в применении к социальным данным.

14. Обнаружение путем социологического исследования новых социальных явлений, процессов, тенденций, для которых отсутствуют соответствующие теоретические и методологические подходы и объяснения.

15. Разработка категориального аппарата для исследования социальных явлений и процессов в современном российском обществе.

Апробация и внедрение результатов исследования. Концепция и основное содержание диссертации отражены в разделах двух коллективных монографий, статьях в периодических изданиях и сборниках. Всего публикаций 56 (общий объем – 21,2 п. л.), в том числе, 18 в изданиях, входящих в перечень, рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Аттестационным советом УрФУ, из них 3 - в индексируемых в базах международного научного цитирования Web of Science и Scopus.

Ключевые положения и выводы диссертации докладывались на конференциях, научных симпозиумах, семинарах и конгрессах, в том числе, 22 международного уровня: «Информационная эпоха: Мир-Россия-Урал» (Екатеринбург, 2004), «Между прошлым и будущим» (Екатеринбург, 2005), «Власть и властные отношения в современном мире» (Екатеринбург, 2006), «Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках» (Екатеринбург, 2007), «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (К 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского)» (Санкт-Петербург, 2016), «Социально-демографические процессы в глобальном мире: современная стратегия Российского государства и основные направления ее реализации в Сибири и на Дальнем Востоке» (Иркутск, 2017), «Социальные науки и информатизация» (Москва, 2017), «Культура и образование: социальная трансформация и мультикультурная коммуникация» (Москва, 2019), «Пространства социальной напряженности, глобальные и региональные вызовы и акторы устойчивого

развития в современную эпоху: стратегические консенсусные взаимодействия и новые прорывы» (Иркутск, 2020), «Цивилизационные сдвиги в пространстве города: традиции и проектирование будущего» (Иркутск, 2021), «Взаимосвязь глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ: трансформации социальных пространств, социально-демографические изменения и пандемические процессы» (Иркутск, 2021), «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях мирового кризиса» (Иркутск, 2022), VIII и XVIII-XXV конференциях «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л. Н. Когана (Екатеринбург, 2005, 2015-2022); 4 всероссийского: «Современная Россия: путь к миру – путь к себе» (Екатеринбург, 2008), IX-XI Ковалевские чтения (Санкт-Петербург, 2014, 2015, 2017).

Структура работы определена логикой исследования и последовательностью решаемых задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих девять параграфов, заключения, библиографического списка (526 наименований) и приложения (10 таблиц). Объем диссертации составляет 347 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается степень ее научной разработанности, формулируются объект и предмет, цель и задачи диссертации, указаны теоретико-методологические основы и источниковая база исследования, определяется научная новизна, приводятся положения, выносимые на защиту, оцениваются теоретическая и практическая значимость работы, освещаются основные формы апробации результатов.

Первая глава «Теоретико-методологические основы изучения истории социологии смерти» посвящена основным аналитическим подходам к феномену смерти и специфике методологии исследования и источниковедения истории западноевропейской танатосоциологии.

В **параграфе 1.1 «Танатосоциология как отрасль научного знания»** обосновывается авторская трактовка сущности танатосоциологии с учетом ее места в системе Death Studies и социологической науки.

Показано, что чаще всего *смерть* рассматривается сквозь призму ее стадильности и через ее соотнесение и противопоставление жизни. Многогранность, противоречивость и неоднозначность человеческого существования ведет к тому, что невозможно дать одного единственно верного определения смерти.

С точки зрения диссертанта, смерть выполняет ряд важных социальных функций: регулятивную, «формообразующую» (Г. Зиммель),

исключения, наказания, уничтожения, утилизации, устрашения, выбора, индивидуализации, социализации, эгалитарную, коммуникативную, экономическую, политическую.

Предлагается классифицировать смерть по ряду оснований: 1) природа — социальная, психическая, физическая (физиологическая); 2) стадия — клиническая, смерть мозга, биологическая (истинная); 3) количество — индивидуальная, групповая, массовая, тотальная; 4) время — внезапная, скоропостижная, преждевременная, естественная; 5) характер — насильственная, ненасильственная; 6) причина — от повреждений, от заболеваний; 7) этический — достойная, позорная.

В последние десятилетия в зарубежной науке сформировались *Death Studies* как совокупность дисциплин, исследующих смерть. Их ядром является *танатология*, в литературе сложились две трактовки этой науки: 1) представители «узкого» подхода (М. Ф. К. Биша, Р. Вирхов, С. А. Корсаков, И. И. Мечников, Г. В. Шор и др.) полагают, что это «раздел теоретической и практической медицины, изучающий состояние организма в конечной стадии патологического процесса, динамику и механизмы умирания, непосредственные причины смерти, клинические, биохимические и морфологические проявления постепенного прекращения жизнедеятельности организма»¹; 2) сторонники «широкого» подхода (А.В. Демичев, Р. Кастенбаум, А.П. Лаврин, С.В. Рязанцев и др.) отстаивают мультидисциплинарность танатологии, включая в ее состав биологию, медицину, психологию, социологию, экономику и др. Вместе с тем ряд специалистов считает, что танатология состоит из двух частей — гуманитарной и естественнонаучной.

Укрепление междисциплинарных связей при изучении феномена смерти сочетается с дифференциацией научного знания, поэтому социология смерти выступает закономерным результатом этого процесса.

Термин *танатосоциология* (Thanatosozologie) получил определенное распространение в современной немецкой социологии. Правда, отдельным ученым данное понятие «все еще кажется чрезмерным» и «говорить о такой специальной социологической дисциплине преждевременно», но даже они признают, что у «социологической танатологии» есть самостоятельное поле для исследований².

Как правило, под танатосоциологией понимается специальная социология, которая в узком смысле занимается социальными действиями вокруг умирающего и умершего, в более широком смысле — социальным значением смерти.

¹ Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. Б. В. Петровский. Т. 24. Сосудистый шов — Тениоз. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 323.

² Knoblauch H., Zingerle A. Thanatosozologie: Tod, Hospiz und die Institutionalisierung des Sterbens: Einleitung // Thanatosozologie: Tagungen der Sektion für Soziologie der Görres-Gesellschaft / H. Knoblauch & A. Zingerle (Hrsg.). Berlin: Duncker & Humblot, 2005. S. 11-30.

В целом, за рубежом и в России социология смерти в предметном плане чаще всего трактуется широко. Г. Клавандье объясняет такой подход тем, что в связи с происходящими изменениями и недалёковидной государственной политикой смерть стала центральной социологической проблемой в наших «стареющих обществах»¹.

Социология смерти развивается, взаимодействуя с другими «близкими» по профилю отраслевыми социологиями (социодемография, социология здравоохранения, социология безопасности, социология конфликта и др.)

С точки зрения диссертанта, наряду с термином «социология смерти» целесообразно, по примеру немецких социологов, употреблять термин «танатосоциология» — это в большей степени соответствует научным традициям.

По мнению автора, *танатосоциология* — это отрасль социологического знания, изучающая место и роль феномена смерти в жизни общества, взаимодействие социальных субъектов в системе отношений к нему, формы организации похорон, духовные и социальные связи с умершими, обусловленные объективными и субъективными факторами.

В параграфе, приняв во внимание основные виды социальных взаимодействий, связанные со смертью, выделяется ряд субдисциплин в структуре танатосоциологии.

Моросоциология призвана изучать социокультурные особенности восприятия и отношения к смерти социальных субъектов, отличающихся по полу, возрасту, семейному положению, наличию детей, этноконфессиональной принадлежности, специфике образования и трудовой деятельности, уровню дохода и т. п.

Социология социальной смерти трактует ее как процесс и результат самоустранения и/или исключения социального субъекта из жизни социума, в значительной степени детерминированные состоянием социокультурного континуума. Также рассматриваются инварианты социосмерти – гражданская, политическая, экономическая и духовная смерть.

Социология ненасильственной смерти исследует социально-танатологические аспекты самосохранительного поведения, смертности, медицинского обслуживания и здравоохранения.

Социология насильственной смерти изучает социальную составляющую суицидов, убийств и гибели людей в результате несчастных случаев.

Социология похорон акцентирует внимание на следующих аспектах: 1) похороны в контексте антиномии жизнь – смерть (аксиологический аспект);

¹ Clavandier G. Sociologie de la mort, Vivre et mourir dans la société contemporaine. Paris, Armand Colin, coll. «U», 2009.

2) похороны как социальный процесс (процессуальный аспект); 3) похороны как социальный институт (институциональный аспект); 4) похороны как спектакль (семиотический аспект).

Некросоциология выявляет типы и формы взаимоотношений живых и мертвых, представления о посмертном существовании людей, пространство упокоения усопших, мемориальные и коммеморативные практики. Автор обосновывает собственную классификацию погребений и кладбищ.

Диссертант указывает, что сравнительный анализ поминальной обрядности разных этноконфессиональных общностей показал, что она выполняет ряд важных социокультурных функций: социализирующую, психотерапевтическую, идентификационную и консолидирующую. При всех очевидных различиях, обусловленных культурно-историческими особенностями, поминальные традиции едины в утверждении уважения к памяти предков. Автор делает вывод, что современная цензура смерти обусловлена её банализацией: смерть перестала принадлежать естественному порядку вещей и воспринимается как агрессия «извне». В итоге, прервалась коммуникация между умирающим или покойным и сообществом живых.

В параграфе 1.2 «Методология и источниковедение истории танатосоциологии» раскрываются базовые принципы историко-танатосоциологического исследования: объективности, историзма, системности, взаимовлияния философской и научной мысли, взаимодействия науки и общества, преемственности и прерывности в социологической теории, опоры на источники и личной сопричастности.

Соискатель выделяет ряд онтологических и гносеологических предпосылок возникновения и развития социологии смерти.

Подытожив результаты анализа историко-социологических работ зарубежных (Р.К.Ф. Арон, А.У. Гоулднер, Л.А. Козер, Р. Коллинз, Дж. Ритцер, Е. Шацкий и др.) и российских (А.Б. Гофман, Ю.Н. Давыдов, Б.З. Докторов, Г.Е. Зборовский, С.А. Кравченко, Н.Г. Осипова и др.) ученых, диссертант обозначает стратегические ориентиры исследования истории танатосоциологии: а) социально-исторический контекст; б) личные и профессиональные биографии ученых; в) сетевые схемы научных коммуникаций; г) организационные формы научно-исследовательских практик; д) «национальные» социологии; е) этос науки; ж) историко-эпистемологические изыскания понятия «смерть»; з) вклад конкретного ученого в генезис социологии смерти и влияние его идей на дальнейшее развитие танатосоциологии.

Периодизация истории социологии представляет собой систематизацию, заключающуюся в условном делении процесса возникновения и развития социологии на определенные хронологические отрезки. Среди специалистов нет единой точки зрения по этой проблеме.

Соотнося историю танатосоциологии с историей социологии в целом, автор выделяет ее главные вехи: 1) предыстория (IV в. до н. э. – начало XIX в.); 2) период становления (1830-е – 1930-е); 3) период институализации (1930-е – 1990-е); 4) современный период (2000-е – настоящее время).

При этом предыстория и период становления хронологически охватывают процесс генезиса танатосоциологии. Подтверждением обоснованности предложенной периодизации служат данные о динамике накопления и дифференциации социологического знания, его оформлении в виде специализированных изданий, создании профессиональных сообществ, дискутирующих внутри себя и между собой, признании в академической среде и со стороны социума.

Исходя из парадигмального подхода Т. Куна, диссертант полагает возможным различать четыре ведущие парадигмы в социологии смерти: классическая, неоклассическая, постклассическая и неклассическая.

За последние почти сто лет институализация способствовала развитию танатосоциологического знания, оно приобрело академическую и общественную респектабельность, его отличает полипарадигмальность и многоуровневый подход.

Специалисты (Н.Г. Георгиева, Б.В. Емельянов, И.Д. Ковальченко, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева, Ю.А. Русинова, А.И. Филюшкин, О.И. Хоруженко и др.) выделяют в источниковедческом исследовании ряд этапов: 1) эвристический; 2) внешняя критика (атрибуция, датировка, описание, условия возникновения и др.); 3) внутренняя критика (изучение содержания, верификация сведений, определение их оригинальности, сравнение с другими данными и др.); 4) синтез (оценка источника с точки зрения научно-познавательной ценности).

В диссертации подчеркивается, что существует множество источников по истории классической танатосоциологии, которые могут быть классифицированы по носителю информации.

Для целостного понимания процесса генезиса танатосоциологии необходимо обращаться к различным письменным источникам: 1) нарративным (философские, религиозные, социологические, биографические сочинения и др.); 2) документальным (письма и архивы ученых, отчеты научных организаций и др.); 3) статистическим (данные официальных профильных институтов); 4) периодическим печатным изданиям (газеты, журналы, ежегодники и др.); 5) нормативным правовым актам (уголовные кодексы, уставы социологических обществ и университетов, положения о научных премиях и др.).

Посредством изучения фонографических источников можно проанализировать авторский язык и стиль ученого, отследить своеобразие формирования и распространения этнических, конфессиональных, возрастных и гендерных стереотипов по отношению смерти и т. д.

Заметную роль призвана играть траурная музыка, которая звучит во время церемоний прощания с усопшими.

Методы визуальной социологии помогают раскрывать личностные особенности создателей танатосоциологии, способствуют лучшему пониманию того, как средствами живописи, фотографии и кинематографа конструируется образ смерти, создается ее значение и смысл для миллионов людей и каждого человека в отдельности.

С позиций социологии повседневности обосновывается обращение к анализу вещей как источников социологической информации. В свете этого фиксируется целесообразность изучения фондов и выставочных залов мемориальных музеев ученых.

Антропологические источники включают разнородные подгруппы: антропологические данные (например, краниометрия (Г. Лебон)); поведенческие акты информантов, зафиксированные в процессе наблюдений (У.Л. Уорнер); захоронения ученых.

Диссертант приходит к выводу, что большинство источников содержит уникальную информацию, существенно углубляющую понимание процесса генезиса танатосоциологии.

Во **второй главе «Истоки танатосоциологии»** выделяются интеллектуальные предпосылки социологии смерти.

В **параграфе 2.1 «Рождение социологии смерти в философии и теологии Античности и Средневековья»** определяется специфика танатологических представлений корифеев зарубежной классической гуманитаристики.

Платон (428/427-348/347 до н. э.) предложил законодательно регламентировать систему санкций (от изгнания до смертной казни) за преступления, процедуру похорон, обустройства захоронений, организацию мемориальных мероприятий. Кроме того, он выступал за введение цензуры смерти при воспитании будущих воинов.

Труды **Аристотеля** (384-322 до н. э.) способствовали становлению категориального анализа феномена смерти, он диалектически (в диапазоне жизнь – смерть) оценивал рабовладение как общественное явление, ему принадлежат приоритет в изучении практик исключения граждан из жизни полиса и социально-этических аспектов феномена суицида.

Материалистическая антропологическая концепция развивалась в античной философии **Эпикуром** (341-270 до н. э.), который отстаивал земное, свободное от спиритуализма видение человека. По его мнению, надо освободить индивида от чувства страха смерти, ведь она – не зло, а переход в небытие, отсутствие ощущений (в том числе, страданий).

Последователь Эпикура поэт и философ **Тит Лукреций Кар** (ок. 99–55 до н. э.), выступая с позиций атомистического материализма, утверждал, что душа не живет ни до рождения, ни после смерти, поэтому

страх смерти и загробных страданий является нелепым, жизнь и смерть следует принимать как неизбежность.

С Эпикуром и его сторонниками дискутировал ревнитель римских традиций, выдающийся государственный деятель, оратор и философ **Марк Туллий Цицерон** (106–43 до н. э.). Разделяя позицию Платона, мыслитель рассмотрел вопросы регламентации похорон и поминовения в Древнем Риме, продемонстрировав возможности нормативного подхода при анализе некрологической проблематики.

В центре философии стоицизма (против взглядов его приверженцев выступал Цицерон) находилась проблема человеческого счастья и свободы, достигнуть которых можно путем разумного поведения. Согласно римскому мыслителю **Луцию Аннею Сенеке** (4 до н. э. – 65), человек – хозяин над своей смертью и это делает его свободным, к смерти же надо идти без ненависти к жизни.

Огромную роль в развитии общественной мысли сыграло новое вероучение – христианство, возникшее в первой половине I в.: в нем различались смерть духовная и телесная. **Аврелий Августин** (354–430) категорически отвергал суицид, так как никакие причины не могут оправдать этот грех. Будучи современником вторжений варваров и крушения Римской империи, теолог специально обращался к изучению войн, диалектически переосмысливая проблему убийства во время боя и применения смертной казни. Он оправдывал осуществление этих актов.

Проповедник **Бертольд Регенбургский (Простец)** (ок. 1210–1272) рассматривал смерть души в контексте греховности социального поведения представителей различных слоев традиционного общества. Его подход способствовал развитию структурно-функционального анализа различных видов смерти – телесной и духовной, выделению этической составляющей при оценке профессиональной и повседневной жизнедеятельности людей.

Современник Бертольда Простеца **Фома Аквинский** (1225–1274), представитель поздней схоластики, синтезируя учение Аристотеля и христианские истины, создал свою всеобъемлющую танатотеологию, где много внимания уделено социальным аспектам смерти.

Эпоха Ренессанса ознаменовала «интеллектуальный поворот» от трансцендентного к насущному, от Бога к человеку, стимулировала интерес к наследию Античности и распространению идей гуманизма. При этом в трудах («Государь», «О военном искусстве», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «История Флоренции») **Никколо Макиавелли** (1469–1527) содержатся яркие примеры анализа вопросов танатосоциологического характера и, наряду с этим, практические рекомендации правителю по расправе с врагами.

Томас Мор (1478–1535) продолжил платоновскую традицию. Его «Золотая книжечка...» представляет собой противоречивый «сплав»

гуманизма и клерикализма: он бичует «кровавое» законодательство о работниках, выступает против смертной казни, страстно обличает политику огораживания («овцы поели людей»), но при этом в Утопии «все особо тяжкие преступления караются обычно осуждением на рабство», действует всеобщая трудовая повинность, фундамент идеального государства составляет антииндивидуализм.

Основоположник протестантизма *Мартин Лютер* (1483-1546) различал два вида действий личности: 1) телесное (внешнее) расставание с миром, нацеленное на упорядочение имущественных дел; 2) умственное – просьба о прощении у тех, кому было причинено страдание. Он полагал, что преодолеть страх перед уходом из жизни индивиду помогает приобщение к Таинству Причащения, именно оно противостоит наваждениям дьявола. Мыслитель подчеркивал психологический аспект танатофобии, гарантией же против искушения и страха служат: вера в Христа, послушание Его воле и любовь к Нему.

Результаты анализа сочинений Лютера и другого лидера Реформации *Жана Кальвина* (1509-1564) свидетельствуют о близости их танатологических представлений. Теология смерти отцов протестантизма поставила в центр дискуссий вопросы греха, спасения и бессмертия, ответы на них предлагалось искать не столько в «умственных фантазиях», сколько в практической деятельности людей, так как каждый из членов социума получает в «конце мира» то, что заслужил. Ведь церковная регламентация повседневного существования не освобождала христианина от ответственности за свои поступки.

По мнению диссертанта, хотя в период Античности – Средневековья – Возрождения – Реформации лишь происходило формирование обществознания как такового, еще недифференцированного в соответствии с дисциплинарной спецификой, социально-танатологическая проблематика занимала в творчестве многих мыслителей заметное место. Наблюдается преемственность идей о границах допустимого и порицаемого – суициде и эвтаназии, смертной казни и войне.

В параграфе 2.2 «Предпосылки социологии смерти в социальной философии Нового времени» показано, что этот период западноевропейской истории характеризуется серией острых социальных конфликтов, коренных экономических преобразований, войн и революций. На подмостках мировой сцены появилось огромное число деятельных людей, ищущих своего места под солнцем и борющихся за него. Они готовы были отбросить и уничтожить устаревшие формы жизни. Все это послужило основой для размышлений философов – свидетелей и участников событий эпохи модерна.

Френсис Бэкон (1561-1626), являясь родоначальником эмпиризма, индуктивного метода, материалистической традиции и жанра «научной фантастики», заложил в английский социальной философии предпосылки

для формирования социологии смерти. Отвергая «чрезмерность внимания» к смерти стойков, Бэкон утверждал, что «умереть столь же естественно, как и родиться». Танатофобия, по его мнению, обусловлена психологическими и эстетическими источниками. Как и Т. Мор, Бэкон аргументировано защищал эвтаназию (именно он ввел термин, обозначающий «легкую смерть»).

Следуя бэконовской линии номинализма, *Томас Гоббс* (1588-1679) различал смерть физическую и «вечную», которая ожидает каждого в день Страшного суда, но после нее он уже не будет умирать. Философ считал, что в естественном состоянии люди ведут «войну всех против всех». По его мнению, лишь государство, в пользу которого граждане отказываются от части своих прав, держит их в страхе и тем умиротворяет. Ценность изысканий Гоббса для танатосоциологии заключается в проблематизации смертельно опасных конфликтов разного уровня (война и дуэль), попытке выявить социально-психологическую мотивацию поведения людей в условиях политической нестабильности.

Джон Локк (1632-1704) сделал прямо противоположный вывод, нежели Гоббс: равенство и независимость людей побуждают их не наносить «ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого». Своей теорией договорного происхождения государства и естественного права, теологией, антиклерикализмом и либерализмом Локк оказал значительное влияние на развитие рационализированных представлений о смерти.

Адам Смит (1723-1790) доказал взаимосвязь социального положения зависимых групп населения и степенью опасности для их жизней в период Средневековья. Им были освещены трагические ситуации утраты близких и последних поступков приговоренных к смертной казни, которые вызывают противоречивые реакции окружающих – от сопереживания до отсутствия сострадания. При этом он выделял различные воззрения на кару – с позиций потерпевшего, убийцы и судьи. Произведения шотландского философа убедительно продемонстрировали эвристичность сочетания этического, социально-психологического и историко-экономического подходов к изучению смерти.

Танатофилософские вопросы плодотворно разрабатывались французскими мыслителями. *Шарль-Луи де Монтескье* (1689-1755) с позиций «климатического» детерминизма обращался к изучению проблем бесправия населения, суицида, войны, применения смертной казни и др. В сочинениях *Жан-Жака Руссо* (1712-1778) доминировал этический подход к анализу феномена смерти, но при этом автор учитывал обстоятельства и социальный «фон» ее совершения.

Классик немецкой философии *Иммануил Кант* (1724-1804) осуждал войны как наиболее тяжкое заблуждение и преступление человечества, веря, что в будущем наступит «вечный мир» – войны будут либо

запрещены правом, либо станут экономически невыгодными. Им также был осуществлён этико-правовой анализ ряда важных аспектов (право наследования, диффамация умершего, смертная казнь, суицид, война и др.) проблемы смерти.

Полемизируя с Кантом, *Георг Вильгельм Фридрих Гегель* (1770-1831) утверждал высокое значение войны. Он считал, что смерть как явление негативное осуществляет снятие противоположности единичности и рода. Для развития мировой философии (танатофилософии, в частности) принципиальное значение имеет постановка Гегелем проблемы отчуждения. Придерживаясь этатистского подхода, философ обосновывал право государства приговаривать граждан к смертной казни, так как оно обеспечивает жизнь и защищает собственность индивидов. Согласно гегелевской онтологии и феноменологии, человек, осознав и смиряясь с неизбежностью собственной смерти, может прийти к мудрости (абсолютному знанию), завершая историю и обретая истинную свободу.

Анализ произведений *Анри де Сен-Симона* (1760-1825) позволил установить ряд отличительных черт его предтанатосоциологии: 1) приоритет отдается «методу наблюдения, то есть опыту»; 2) обоснована необходимость создания особой науки о человеке; 3) достаточно умело используются элементы структурного, функционального, стратификационного, кросс-культурного и исторического подходов. Например, он выделял классы, «осужденные ходом истории на политическую смерть»: дворянство («дряхлое, немощное»), «силы старого феодализма» и духовенство.

Однако в его изысканиях обнаруживаются очевидные недостатки: оперирование недостоверной информацией; необоснованные ретроспективные и прогностические суждения.

По сути, А. Сен-Симон придерживался утопической линии Платона, оригинальность его построений заключена в «ньютонизме» – сплаве scientизма и религиозности.

Соискатель делает вывод о том, что появление социологии (включая, танатологическую составляющую) как научной дисциплины в 1830-1840-е гг. было обусловлено рядом объективных обстоятельств. В течение веков менялись научная картина мира и стиль научного мышления, систематизировался категориальный, логико-методологический инструментарий теоретических и эмпирических исследований. Нужна была наука, которая могла бы определить сложившуюся социальную реальность и векторы ее дальнейшего развития. Гуманитаристика, социально-философские штудии дополнялись естественнонаучными исследованиями, в результате, постепенно была накоплена весомая «сумма» предтанатосоциологического знания, которая послужила фундаментом для формирования новой дисциплины.

Третья глава «Становление танатосоциологии во Франции» посвящена характеристике особенностей вариантов позитивистской и католической социологии смерти.

В параграфе 3.1 «Возникновение социологии смерти» раскрывается сущность контизма и его значение для создания танатосоциологии.

«Родоначальник» новой науки *Исидор Мари Огюст Франсуа Ксавье Конт* (1798-1857) утверждал: «Возможность жить с усопшими является одним из наиболее драгоценных преимуществ человечества, у которого эта возможность развивается все более по мере того, как его идеи расширяются и его чувства очищаются. Позитивизм должен способствовать самопроизвольному и систематическому увеличению этой возможности не только для общества, но и для отдельных лиц. Он распространит ее также на будущее, позволяя нам жить с теми, которые еще не родились»¹.

Принципиальным положением социологической теории О. Конта является постулат о неразрывной взаимосвязи мира живых и мира мертвых. Высоко оценивая значение традиций, он придавал огромное значение эстафете поколений и воздействию всех предыдущих генераций на последующее развитие: «Непрерывность подразумевает, что наши преемники продолжают наше служение, как мы продолжили дело наших предшественников»².

Исследователь настаивал на ритуальном закреплении своих представлений о жизни и смерти среди последователей контизма (табл. 1).

Таблица 1

Культь усопших (по О. Конту)

№	Элемент	Мероприятия	Функции
1	Многоуровневость	Индивидуальное прославление - семейное чествование - общественные манифестации	Облегчение страданий путем общего излияния
2	Всеобщность	Крестное имянаречение преобразуется в позитивистское празднество в честь общественного порядка, человеческого прогресса или индивидуального культа	«Благотворная взаимосвязь частной и общественной жизни»
3	Преемственность	«Благородное соревнование, вызываемое постоянным восхвалением наших достойных предшественников»	«Развитие у всех естественного желания увековечивать наше существование единственно реально возможным для нас способом»

¹ *Конт О.* Общий обзор позитивизма / пер. с фр. Изд. 3-е, [репр.]. М.: Либроком, 2012. С. 99.

² *Comte A.* System of positive polity. London: Longmans, Green and C^o, 1877. Vol. 4. P. 31.

Парадоксальным образом социология Конта выполняет ряд взаимоисключающих и взаимодополняющих функций: познавательную и мемориальную, сциентистскую и сакральную, религиозную и политическую, консервативную и инновационную и др.

В диссертации отмечается, что своеобразие позитивизма заключается в том, что во второй половине XIX – начале XX веков в зависимости от своих предпочтений одни последователи Конта пропагандировали преимущества научного метода, другие – истинность религиозного вероучения (вплоть до создания храмов). Так, *Эмиль Максимильен Поль Литтре* (1801-1881), будучи масоном, вполне успешно популяризировал научную составляющую наследия О. Конта, отвергая при этом его «сакрализацию», а *Пьер Лаффит* (1823-1903), ставший «первосвященником Человечества», сохранял преданность взглядам, которым основатель социологии придерживался в конце жизни.

Среди тех, кто воспринял методологические установки позитивизма и взял их в свой исследовательский арсенал, были представители расово-антропологического направления. Одним из его лидеров являлся *Жозеф Артюр де Гобино* (1816-1882). С танатосоциологической точки зрения наиболее продуктивной была его книга «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853-1855). По признанию самого автора, «движимый привязанностью к живущим людям» и используя индуктивный метод, он «проникал в тайны людей умерших», стремясь «к познанию более глубокого смысла идентичности социальных болезней [...] у всех народов и в прошлом, и настоящем»¹. Отправными для его анализа выступили два принципа: 1) «принцип смерти, лежащий в основе всех наций»: «все люди, жившие до нас, умерли, точно так же мы твердо знаем, что сочтены и дни народов»²; 2) принцип неравенства рас.

Шарль Жан Мари Летурно (1831-1902), отследив эволюцию морали, объяснял врожденной («животной») кровожадностью рода людского ведение войн, жестокое обращение со стариками, больными и детьми. Он различал несколько разновидностей антропофагии: военную, животную, юридическую, религиозную и привилегированную. Изучив историю рабства, ученый установил логику его изменений: «Раб в начале — запасная убойная скотина, а затем домашнее животное». Но, в результате, «рабство деморализует» общество³.

Благодаря *Жоржу Ваше де Лапужу* (1854-1936) биологический расизм получил «подкрепление» в виде концепции зависимости психических качеств, характера людей и их социального положения от формы черепа и величины головного указателя. Вместе с тем Лапуж

¹ Гобино Ж. А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас: [пер. с фр.]. М.: Олма-пресс, 2000. С. 16, 14.

² Там же. С. 21.

³ Летурно Ш. Ж. М. Нравственность. Развитие её с древнейших времен и до наших дней. СПб.: Книгоиздательство Н. С. Аскарханова, 1909. С. 114-160.

утверждал в духе Конта: 1) «мысли и действия человека основываются на опыте бесчисленного легиона погребенных предшественников. Он впитал в себя все, что чувствовало, о чем думало, что желало человечество на длинном отрезке родословной»; 2) «нация – это огромная семья, замкнутая внутри границ страны: живые вместе с умершими и с теми, кому суждено прийти»¹.

В русле контовской научной традиции *Пьер Фредерик Гийом Ле Пле* (1806-1882) проанализировал процессы деградации и укрепления института семьи. При его изучении социолог полагал обязательным сбор информации о проявлениях заботы и почтения к старым родителям, мер, предпринятых для обеспечения им счастливого конца жизни, ритуалах прощания, практиках памяти о погибших родителях, данных об умерших членах семьи.

В параграфе показано, что католические социологи (*Жюльен Фонтейн* (1839-1917), *Луи Гарриге* (1859-1927) и *Поль Ноде* (1859-1929)), сочетая богословский и научный подходы, рассматривали проблему смерти сквозь призму жизненного пути христианина, анализировали повседневные практики различных слоев общества (преимущественно, социальных низов).

В параграфе 3.2 «Психолого-социологический и органицистский анализ смерти» представлены результаты соответствующих исследований.

Указывается, что социолог и социальный психолог *Жан-Габриель де Тард* (1843-1904), не давая развернутых определений, оперировал понятиями «психологическая смерть», «физиологическая смерть», «естественная смерть» и т. п., смысл которых более-менее понятен из контекста его сочинений. По его мнению, субъектам присущи социальное рождение и социальная смерть. Последняя заключается в том, что с течением времени в какой-либо социальной группе умирают «язык, религия, политическое устройство, законодательство, промышленность и искусство»².

Психолого-социологические штудии Тарда придали дополнительный импульс становлению социологии смерти: 1) была доказана эвристичность методологии, сочетающей выявление причин суицидов на микро- и макроуровнях; 2) отслежена специфика эволюции политических убийств в итальянской истории; 3) исследована социальная детерминация использования и отказа от вендетты и дуэлей; 4) детально выстроена аргументация против чрезмерного применения смертной казни в качестве уголовного наказания; 5) продемонстрированы особенности поведения толпы и публики по отношению к смерти – от созерцания до деятельного «соучастия» в совершении убийств.

¹ *Латуж Ваше де Ж.* Ариец и его социальная роль. М.: Кучково поле, 2013. С. 171, 178.

² *Тард Г.* Социальная логика / пер. с фр. М.: Соц.-психол. центр, 1996. С. 466.

Отмечается, что сведение объяснений всего многообразия социальных явлений к фактору подражания вызывало возражения у многих современников Г. Тарда.

Одним из принципиальных оппонентов социолога был *Шарль-Мари Гюстав Лебон* (1841-1931). Уже в его первой монографии «Очевидная смерть и преждевременные захоронения» (1866), появившейся на столетие раньше, чем развернулись широкие общественные и юридические дискуссии об «установлении границ смерти», были убедительно продемонстрированы результаты успешного прикладного исследования, проведенного Г. Лебоном по этой тематике.

Учёный специально посетил Германию, где провел экспертный опрос кладбищенских смотрителей, врачей и профессоров медицинских факультетов университетов. Опираясь на материалы интервью и изученные документы, он предложил ряд практических мер, позволявших предотвратить осуществление преждевременных похорон во Франции: 1) до погребения в течение трех дней помещать трупы в покойницкие при кладбищах; 2) не заколачивать полностью крышку гроба; 3) после захоронения в течение восьми дней не закапывать могилу, прикрыв ее настилом.

Вместе с тем Г. Лебон исходил из идей расового детерминизма и, ссылаясь на историю США, утверждал, что низшие расы (краснокожие, китайцы, негры) обречены на гибель. Кроме того, социолог солидаризовался с теорией Т. Мальтуса, согласно которой голод, эпидемии и войны поддерживают равновесие между населением страны и условиями его существования.

Критикуя контовскую иерархию во главе с первосвященником, Лебон во многом следовал его танатосоциологическому послы, когда провозглашал: «Умершие поколения передают нам не только свою физическую организацию; они внушают нам также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели»¹.

С точки зрения диссертанта, заслугами Лебона в формировании танатосоциологии являются: верность контовской традиции, изучение похоронных практик, криминального поведения и феномена смерти на войне. Однако его штудиям были присущи изъяны, снижавшие их научную ценность: психобиологический детерминизм, ксенофобия, антиэгалитаризм и «культивирование» краниометрии.

В сочинениях органициста *Рене Вормса* (1862-1926) присутствуют рассуждения, созвучные Конту: 1) «для общества совершать переворот — значит разрывать себя собственными руками»; 2) «превосходство эволюции над революцией»; 3) «для отдельных лиц [...] и для обществ

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. С. 20.

цель терапии — предохранять жизнь от причин разрушения, которые угрожают ей, отдалять время смерти»¹.

По мнению соискателя, заметную роль в становлении танатосоциологии Р. Вормс сыграл не как ученый (его труды не отличаются оригинальностью), а как организатор. Именно он стал выпускать первое специализированное периодическое издание («Международный социологический журнал») и учредил Международный институт социологии (1893). Это благоприятно сказалось на разветвлении постоянных контактов между специалистами из разных стран.

В параграфе 3.3 «Социология смерти в Дюркгеймовской школе» рассмотрен вклад классика мировой социологии и его учеников в становление танатосоциологии.

Давид Эмиль Дюркгейм (1858-1917) был противником биологических, социал-дарвинистских и психологических интерпретаций социальной жизни. Он считал, что «преступление – это не только нарушение интересов, даже серьезных, это оскорбление авторитета, в своем роде трансцендентного»². Поэтому наказания в виде мести, вендетты, смертной казни и т. п. имеют сходную природу.

Диссертант отмечает, что, хотя словацкий ученый *Томаш Гарриг Масарик* (1850-1937) защитил диссертацию на тему «Самоубийство как массовое социальное явление современной цивилизации» в 1879 г. и затем опубликовал монографию (1881)³, его первенство в социологическом «открытии» суицида оказалось в тени книги Дюркгейма «Самоубийство» (1897).

С точки зрения французского ученого, «самоубийством называется всякий случай смерти, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершённого самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах»⁴. Очевидно, что данная дефиниция позволяет отнести к суицидам случаи добровольной героической смерти, что не вполне соответствует сущности этого феномена.

Свою типологию самоубийств исследователь выводил не из индивидуальных мотивов (их множество и зачастую они неизвестны), а из специфических состояний общественного сознания, объясняющих характер взаимоотношений индивида и социальной группы (табл. 2). Кроме того, социолог выделил три смешанных типа суицидов: эгоистично-аномичное, аномично-альтруистическое и эгоистично-альтруистическое.

¹ Вормс Р. Общественный организм / пер. с фр. СПб.: Ф. Павленков, 1897. С. 216, 217.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. М.: Канон, 1996. С. 93.

³ Masaryk T. G. Suicide and the meaning of civilization. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. СПб.: Союз, 1998. С. 26.

Таблица 2

Типология суицидов (по Э. Дюркгейму)

№	Тип	Источник	Второстепенные вариации
1	Эгоистическое	Бесстрашие	Вялая меланхолия, усаждающаяся собой Рассудочное равнодушие скептика
2	Альтруистическое	Страстная или волевая энергия	Обязательное – совершается со спокойным чувством долга Факультативное – со спокойной храбростью Чисто альтруистическое – с мистическим энтузиазмом
3	Аномичное	Раздражение, отвращение	Горячий протест против жизни вообще Горячий протест против определённого лица (убийство, сопровождаемое самоубийством)
4	Фаталистическое	Страсти жестко ограничены дисциплиной	Неизбежность и непреклонность правил, против которых человек бессилён

Изучив специфику траура, генезиса и функционирования религии, Дюркгейм сделал выводы танатосоциологического порядка: 1) «В религии обнаруживается все. [...] мы видим там торжество [...] жизни над смертью»; 2) «Боги прошлого стареют или умирают, а другие боги ещё не родились. Именно это сделало напрасным стремление Конта создать религию на основе искусственной попытки пробудить воспоминания об исторических событиях»¹.

Диссертант показывает, что труды учеников Дюркгейма наглядно свидетельствуют о творческой атмосфере, сложившейся в его школе. Так, среди первых дюркгеймианцев, исследовавших феномен смерти были социальные антропологи *Анри Юбер* (1872-1927) и *Марсель Израиль Мосс* (1872-1927). Они подчеркивали социальную и коммуникационную природу жертвоприношения, выделяя его (анти)утилитарность и долженствование. Такой подход получил свое развитие позднее (например, в работах Ж. Батая).

С точки зрения соискателя, в мировой науке *Роберту Вальтеру Герцу* (1881-1915) принадлежит приоритет в социологической интерпретации траурных церемоний, в глубоком теоретическом анализе обрядов первичных и вторичных захоронений, ликвидации ритуальной нечистоты.

Морис Хальбвакс (1877-1945) детально рассмотрел процесс мемориализации покойного в контексте действия коллективной памяти: 1) «смерть, которая кладет конец физиологической жизни, не может внезапно остановить ход мыслей, развивающийся в присутствии того, чье тело

¹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. М.: ИД Дело: РАНХиГС, 2018. С. 692, 702-703.

исчезает»; 2) «личность человека сильнее всего притягивает внимание родных тотчас после его смерти»; 3) «образ ушедшего» меняется «в зависимости от точки зрения, то есть от тех обстоятельств, в которых мы находимся, когда обращаемся к нему»; 4) «наиболее близкие к нам по времени родственники становятся посредниками между нами и нашими дальними предками, так что мы о последних знаем только то, что первые нам о них рассказывают»¹.

В своей книге «Причины самоубийства» (1930) М. Хальбвакс развил теорию самоубийств Дюркгейма, избавив ее от излишнего антипсихологизма и подкрепив анализом цифровых данных. Он выявил влияние урбанизации на распространение суицидов и определил, как городской континуум, мобильность и образ жизни воздействуют на динамику самоубийств.

Таким образом, в третьей главе доказано, что танатосоциология как составная часть научного знания возникла во Франции и ее становлению способствовали институциональные факторы: открытие специализированных журналов, учреждение профессиональных сообществ, проведение конгрессов, создание Дюркгеймовской школы.

В четвертой главе «Формирование социологии смерти в Великобритании и Германии» проанализирован процесс генезиса танатосоциологии в двух ведущих западноевропейских научных школах.

Параграф 4.1 «Проблема смерти в ранней британской социологии» содержит результаты изучения первых исследований танатосоциологической направленности в Соединенном Королевстве.

Отмечается, что уникальной фигурой в интеллектуальной истории XIX века является *Гарриет Мартино* (1802-1876) — именно она подготовила изложение «Курса позитивной философии» О. Конта на английском языке (1853), заслужившее одобрение автора и расширившее круг его поклонников за рубежом.

Опередив Т. Масарика и Э. Дюркгейма, она дала свое определение «самоубийству в самом широком смысле» как «добровольному лишению себя жизни по любой причине»², разработала собственную классификацию суицидов. Г. Мартино аргументировано указала на значимость этноконфессионального фактора при распространении суицидов.

Установлено, что в 1850-х – 1860-х годах в Британии возникло несколько кружков контистов. Руководитель Оксфордского объединения священник и профессор *Ричард Конгрив* (1818-1899) сформулировал ряд ключевых положений культа смерти: 1) позитивизм его «принимает, расширяет, совершенствует и гармонизирует со всей нашей жизнью»; 2) «это очень мощный источник», внушающий нам «великое спокойствие»,

¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 8-27.

² Martineau H. How to observe: morals and manners. London: Charles Knight and Co, 1838. P. 95.

он «также вдохновляет нас на твердую и устойчивую решимость»; 3) «люди умирают, человек живет» — «давайте постараемся избежать потерь»; 4) надо решать «великий вопрос социальной перестройки через стремление к новой религии; и она останется, даже если мы все исчезнем»¹.

Наряду с почитателями Конта, осуществлявшими, по сути, социальное служение, в британской науке были исследователи, придерживавшиеся нерелигиозной версии позитивистского изучения смерти.

По мнению диссертанта, *Джон Стюарт Милль* (1806-1873), разделяя некоторые основные положения позитивизма, справедливо критиковал социально-политическую доктрину Конта, в которой усматривал систему духовного и политического деспотизма, игнорирующую человеческую свободу и индивидуальность. Он внес существенный вклад в фундирование принципов и процедур научных исследований и в общественно-политическую борьбу против рабства, дискриминации и т. п.

Другой вариант «светского» позитивизма был разработан *Гербертом Спенсером* (1820-1903). Он полагал, что благодаря культуре умерших происходит усложнение религии: храмы возникли из гробниц, жертвоприношения – из «кормления» умерших, молитвы – из обращений к покойникам, религиозные ритуалы – из погребальных обрядов.

Продолжая контовскую традицию, он рассматривал смерть в соотношении с религиозным (шире – духовным) развитием человечества. Но в отличие от своего предшественника ученый не превращал социологию в религию и при анализе проблемы смерти в большей степени опирался на фактические данные сравнительно-исторических исследований.

С точки зрения соискателя, Г. Спенсер, трактуя смерть как «окончательное прекращение упражнения способностей»², заложил основы макросоциологической социал-эволюционистской теории смерти, а также системного, функционального и институционального подходов к ее анализу как социального явления.

Диссертант подчеркивает, что *Хьюстон Стюарт Чемберлен* (1855-1927) активно разрабатывал биографический подход, опубликовав объемные монографии, посвященные Р. Вагнеру (1905) и И.В. Гёте (1912), где, в том числе, рассматривались эпизоды, связанные с их уходом из жизни. Расистские, антисемитские и антигуманные пассажи этого представителя расово-антропологического направления о пагубности

¹ *Congreve R. Political, Social and Religious Essays. London: Longmans, Green and Co, 1874. P. 322, 327, 331, 336, 337.*

² *Спенсер Г. Социальная статика / Пер. с англ. Киев: Гама-Принт, 2013. С. 455.*

«смещения крови» с «особой нацией-расой» базировались исключительно на спекулятивных умозаключениях социолога.

Кейс Чемберлена поучителен, потому что он актуализирует для танатосоциологии (и не только) два насущных вопроса: насколько позиция исследователя подкреплена фундаментальными знаниями о природе жизни и смерти? каковы границы научной, моральной и гражданской ответственности ученого за лично им содеянное в теории и на практике?

Отмечается, что члены англиканской церкви принимали участие в учреждении Социологического общества (1903) и открытии журнала «Социологическое обозрение» (1908). Позднее религиозный вектор в функционировании этих институтов «секуляризировался», но интерес к феномену смерти среди социологов сохранился. Кроме того, в Великобритании достаточно регулярно и широко осуществлялись статистические и социальные обследования населения, что также благоприятствовало становлению прикладной танатосоциологии.

В параграфе 4.2 «Феномен смерти в немецкой классической социологии» характеризуются особенности генезиса танатосоциологии в объединенной Германии.

Указывается, что ортодоксальный контизм оказался неустойчивым в Германии, зато определенная часть общества и исследователей проявила интерес и симпатии к расовым теориям. *Отто Герман Аммон* (1841-1916) является одним из родоначальников расизма. Антисемитские утверждения о неравноценности этносов/рас и их вырождении подрывали доверие к, действительно, информативным антропологическим материалам ученого. Кроме того, наблюдения Аммона за тенденциями вымирания различных социально-демографических общностей представляют интерес для современной социологии смерти.

Людвиг Вольтман (1871-1907) в «Политической антропологии» (1903) сформулировал ряд умозаключений танатосоциологического толка: человеческие расы подчинены общим биологическим законам вырождения; «смещения крови» опасны и вредны; «вырождение рас происходит вследствие недостатка в отборе» и «наследственных болезней»; «расы друг друга теснят, порабощают или уничтожают» и др.¹

Укреплению связей между разными поколениями исследователей, распространению расовых теорий и политико-антропологической концепции весьма способствовал основанный им журнал «Политико-антропологическое обозрение» (1902-1922).

Анализ трудов *Карла Генриха Маркса* (1818-1883) и *Фридриха Энгельса* (1820-1895), проведенный диссертантом, показал, что их танатосоциологические изыскания отличаются метафоричностью. Капитализм представлялся им отжившей системой, пролетариату же

¹ *Вольтман Л.* Политическая антропология: Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов / пер. с нем. М.: Белые альфы, 2001. С. 81, 110, 111, 140, 188, 192.

суждено сыграть роль «могильщика» «старого мира» и творца «светлого будущего». Тем самым постулировались неизбежность революции и применения насилия по отношению к оппонентам для уничтожения классового антагонизма. По сути, в марксизме речь идет о смерти как в глобальном масштабе (закономерная гибель общественно-экономических формаций — предшественников коммунистического общества), так и об «умирании» на микроуровне — индивида (утрата им личностных качеств в результате жестокой эксплуатации собственниками средств производства).

Хотя смерть не выделялась Марксом и Энгельсом как тема специальных штудий, этот феномен занимал важное место в их сочинениях. Именно марксизм положил начало конфликтологическому направлению в танатосоциологии, опыт наблюдений, разработка опросного листа и тщательная работа с документами также способствовали совершенствованию методов прикладной танатосоциологии. Подчеркивается, что концепция отчуждения К. Маркса стимулировала исследования танатологических проблем в неомарксизме.

Оригинальный подход к изучению проблемы смерти был разработан в формальной социологии. *Фердинанд Тённис* (1855-1936) определил, какую роль в воспроизводстве власти в первичной общности играло «правило наследования», в укреплении родства — «общий страх и почтение мертвых» «сплачивают мирную совместную жизнь», память же «позволяет живущим сохранять связь даже с мертвыми», «опасаться и воздавать им почести»¹. Ценность танатосоциологических исследований Тённиса состоит в выявлении причин и динамики разных видов физической смерти, в создании собственной методологии ее изучения.

Георгом Зиммелем (1858-1918) были разработаны положения самобытной философско-социологической концепции смерти: 1) жизнь постоянно соотносится со смертью; 2) акцентируется специфика отношения к смерти в религиозной среде (парадокс «христианства состоит в том, что оно рассматривает смерть вне связи с жизнью, а жизнь — с точки зрения ее вечности»); 3) «стремление к жизни, к более-жизни» можно трактовать и «как бегство от смерти»; 4) в соответствии с гегелевским подходом, «жизнь сама требует смерть как свою противоположность, как “другое”»; 5) дифференцированная идея бессмертия; 6) «двойственность» человеческой жизни: «мы отданы во власть космических движений и зависимы от них», при этом «ощущаем и выводим наше индивидуальное существование из собственного центра под свою ответственность и как законченную в себе форму»; 7) «лишь “исключительные” люди умирают полностью, лишь их смерть меняет характер картины мира»; 8) «отдельный род смертен», а бытие — нет; 9)

¹ Тённис Ф. Общность и общество / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 20-21, 26, 329.

«между рождением и смертью мы бесчисленное число раз ощущаем себя “ставшим другим”»¹.

На взгляд соискателя, в трудах Г. Зиммеля продемонстрирована перспективность взаимодополнительности социологии жизни и социологии смерти.

С позиций понимающей социологии феномен смерти изучался *Максимилианом Карлом Эмилем Вебером* (1864-1920). Учёный сделал обоснованный вывод о том, что «известная забота о своей посмертной судьбе возникает в соответствии с “законом предельной полезности” обычно там, где земные потребности удовлетворены, и поэтому господствует в кругах знатных и имущих людей»², способных обеспечить свое пребывание в раю. Он убедительно доказал, что конфессиональная принадлежность влияет на самоизоляцию личности от мира, на отношение людей к смерти и их мотивацию на социальное служение.

Заслуживают внимания результаты веберовского «ситуативного анализа» революционных процессов в России, сопряженных с усилением террора³. Диссертант указывает, что при рассмотрении рассуждений социолога о проблеме смерти во время Первой мировой войны необходимо учитывать ряд конкретных обстоятельств жизни исследователя.

В параграфе подчеркивается, что формальная и понимающая социология «прокладывали путь» для неклассической социологии. Например, феноменологическая танатосоциология Т. Лукмана и П. Бергера — прямая их наследница.

Таким образом, в четвертой главе показано, что становление социологии смерти в Германии протекало в том же русле, что во Франции и Великобритании, но при этом были сформированы новые непозитивистские подходы к анализу феномена смерти.

В «**Заключении**» диссертационного исследования изложены главные выводы, обозначены перспективы разработки темы. Дальнейшие направления изысканий видятся в разработке всех составных частей танатосоциологии, изучении последующих этапов ее развития за рубежом, анализе генезиса и развития отечественной танатосоциологии.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК Минобрнауки РФ и Аттестационным советом УрФУ

1. Левченко И.Е. Феномен социальной смерти // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 22-31; 0,6 п. л.

¹ Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М.: Юрист, 1996. Т. 2. Созерцание жизни. С. 77-114.

² Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 183.

³ Он же. О России: Избранное. М.: РОССПЭН, 2007. С. 60, 71.

2. Левченко И.Е. Витасоциология и танатосоциология: взаимодополнительность социологического знания // Вестник Уральского государственного технического университета – УПИ. 2005. № 3. Ч. 1. С. 48-49; 0,2 п. л.
3. Левченко И.Е. Погребальные практики (историко-социологический экскурс) // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 158-165; 0,4 п. л.
4. Левченко И.Е. Танатологическая подготовка учащейся молодёжи // Человеческий капитал. 2010. № 7. Ч. 2. С. 104-106; 0,3 п. л.
5. Левченко И. Е. Социология тафосферы // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 8. С. 91-96; 0,3 п. л.
6. Левченко И.Е. Традиции поминовения как элемент этноконфессионального единства (компаративный анализ) // Человеческий капитал. 2011. № 11. С. 197-200; 0,3 п. л.
7. Левченко И.Е. Социологическое творчество У.Л. Уорнера // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». 2012. № 9. С. 102-105; 0,2 п. л.
8. Левченко И.Е. Качество социальных услуг: мнение пожилых жителей Среднего Урала // Социальная политика и социология. 2013. № 3. Т. 1. С. 120-126; 0,4 п. л.
9. Корнильцева Е.Г., Кузнецов А.Ю., Левченко И.Е. Концепция экстремизма С. М. Липсета // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». 2016. № 9. С. 56-60; 0,3/0,1 п. л.
10. Корнильцева Е.Г., Кузнецов А.Ю., Левченко И.Е. Политическая социология С. М. Липсета // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». 2016. № 10. С. 79-84; 0,3/0,1 п. л.
11. Бармина Н.И., Левченко И.Е. Базилика как социокультурный феномен // Урбанистика. 2016. № 4. С. 43-56; 0,8/0,4 п. л.
12. Антонова Н.Л., Левченко И.Е. Народное целительство: pro et contra // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1. С. 321-323; 0,3/0,1 п. л.
13. Левченко И.Е., Корнильцева Е.Г., Кузнецов А.Ю. Проблема общественного здоровья в истории русской социологии // Журнал научных статей «Здоровье и образование в XXI веке». 2017. Т. 19. № 3. С. 155-159; 0,3/0,1 п. л.
14. Левченко И.Е. Генезис танатосоциологии // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». 2017. № 6. С. 70-74; 0,3 п. л.
15. Antonova N., Levchenko I., Purgina E., Merenkov A. Healing Magic as an Alternative Medicine Practice // 2nd SSR International Conference on Social Sciences and Information (SSR-SSI 2017). Zhang H. (ред.). Singapore Management and Sports Science Institute, 2017. Advances in Social and Behavioral Sciences. Vol. 17, pp. 91-95; 0,3/0,1 п. л. (Web of Science)

16. Левченко И.Е., Новгородцева А.Н. Мнение горожан Среднего Урала о медицинском обслуживании // Урбанистика. 2018. № 1. С. 30-39; 0,6/0,3 п. л.

17. Grunt E., Levchenko I. Work with Youth in the Russian Orthodox Church in the Contemporary Period [Electronic resource] // Religions. 2021. Vol. 12, № 7. 499; 1,2/0,6 п. л. (Scopus)

18. Levchenko I., Polyushkevich O. Prosocial Practices of Mortality Interpretation: Racial-Anthropological and Sociocultural Aspects // Acta Biomedica Scientifica (East Siberian Biomedical Journal). 2022. Vol. 7, № 3, pp. 64-74; 0,6/0,3 п. л. (Scopus).

Монографии

19. Антонова Н.Л., Левченко И.Е., Клейменов М.В. Институциональные аспекты функционирования системы медицинского обслуживания: [монография]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 108 с. ISBN 978-5-7996; 7/2,2 п. л.

20. Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: коллективная монография (по материалам XX Международной конференции – второй этап) / под общ. ред. Е.В. Грунт и А.В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во ИСТУ. 2017. 292 с. ISBN 978-5-91256-393-5; 17/0,9 п. л.

Другие публикации

21. Левченко И.Е. Проблема смерти в структуре социологического знания // Философия и социология образования на пороге XXI века: Тезисы докладов научно-практической конференции (Екатеринбург, 26-27 апреля 1996 г.). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1996. С. 35-36; 0,1 п. л.

22. Левченко И.Е. Проблема смерти в классической социологии // Возрождение России: Материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, 27-28 января 1998 г.). Екатеринбург: Урал. гос. техн. ун-т., 1998. С. 48-49; 0,1 п. л.

23. Левченко И.Е. Учебный курс по социологии смерти // Методика преподавания философии и социологии: Материалы межвузовской конференции (Екатеринбург, 13-14 мая 1998 г.). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1998. С. 42-43; 0,1 п. л.

24. Левченко И.Е. Танатологическая и морологическая проблематика в курсе исторической социологии // Вторые Уральские историко-педагогические чтения: Материалы межвузовской конференции (Екатеринбург, 21-22 апр. 1998 г.). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1998. С. 64-65; 0,1 п. л.

25. Левченко И.Е. Феномен социальной смерти // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики: Материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, 19 марта 1999 г.). Екатеринбург: Урал. гос. проф.-пед. ун-т., 1999. С. 47-48; 0,1 п. л.

26. Левченко И.Е. Танатологическая проблематика при изучении отечественной социологии // Социально-гуманитарное образование в средней и высшей школе: Материалы межвузовской научно-практической конференции (Екатеринбург, 28 апреля 2000 г.). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2000. С. 34-35; 0,1 п. л.
27. Левченко И.Е. Политическое убийство: большевистская версия (дооктябрьский период) // Социология в российской провинции: тенденции, перспективы развития. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т., 2002. С. 43-51; 0,5 п. л.
28. Левченко И.Е. Жизнь и смерть под цензурным надзором // Глобализация: реальность, противоречия, перспективы: Тезисы V ежегодной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15 мая 2002 г.). Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2002. С. 35-37; 0,1 п. л.
29. Левченко И.Е. Политическая смерть: траектории «свободного падения» // Коллизии свободы в постиндустриальном обществе: Материалы международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15-16 мая 2003 г.). Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2003. С. 128-132; 0,2 п. л.
30. Левченко И.Е. Социология смерти: исследовательские традиции и современность // Кросс-культурные и гендерные исследования. Социологические проблемы образования, семьи, молодежи. Ч. 2. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2004. С. 307-310; 0,3 п. л.
31. Левченко И.Е. Феномен социальной смерти в информационном обществе (опыт социологической регионализации) // Информационная эпоха: Мир-Россия-Урал: Материалы международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 12-13 мая 2004 г.). Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2004. С. 243-246; 0,2 п. л.
32. Левченко И.Е. Танатологическая проблематика в творчестве Л.Н. Когана // Кросс-культурные исследования: методология, опыт эмпирического анализа: Материалы 8-й Международной конференции памяти Л.Н. Когана (Екатеринбург, 20-21 марта 2005 г.). Ч. 4. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 17-21; 0,2 п. л.
33. Левченко И.Е. Традиции прощания: от прошлого к постсовременности // Между прошлым и будущим: Материалы международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 16-17 мая 2005 г.). Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2005. С. 148-151; 0,2 п. л.
34. Бармина Н.И., Левченко И.Е. Прощание, память и забота // Социальное служение: Сб. науч. трудов. Вып. 1. Екатеринбург, Урал. ин-т социального образования, 2005. С. 82-91; 0,6/0,3 п. л.
35. Левченко И.Е. Феномен социосмерти (социологический анализ) // Социализация личности в XXI веке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Екатеринбург, 1 июня 2005 г.). Екатеринбург: Урал. ин-т социального образования, 2005. С. 110-114; 0,2 п. л.

36. Бармина Н.И., Левченко И.Е. Кладбище как социокультурный феномен // Социосфера: Сб. науч. трудов. Вып. 2. Екатеринбург: Урал. ин-т социального образования, 2005. С. 108-128; 1,2/0,6 п. л.
37. Левченко И.Е. Цензура смерти // Социосфера: Сб. науч. трудов. Вып. 2. Екатеринбург: Урал. ин-т социального образования, 2005. С. 129-145; 1 п. л.
38. Левченко И.Е. Смертность как социально-демографический процесс // Социальные процессы: Сб. науч. трудов. Вып. 1. Екатеринбург: Урал. ин-т социального образования, 2005. С. 97-119; 1,4 п. л.
39. Левченко И.Е. Последний путь // Социальные процессы: Сб. науч. трудов. Вып. 2. Екатеринбург: Урал. ин-т социального образования, 2006. С. 93-117; 0,4 п. л.
40. Левченко И.Е. «Внеповседневность»: погребальные практики // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: Материалы X научно-практической конференции (Екатеринбург, 5-6 апреля 2007 г.): в 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2007. Т. 1. С. 467-471; 0,2 п. л.
41. Левченко И.Е. Развитие похоронного дела в России как показатель цивилизованности социума // Современная Россия: путь к миру – путь к себе: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 10-11 апреля 2008 г.): в 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т., 2008. Т. 1. С. 397-400; 0,2 п. л.
42. Левченко И.Е. Семейные традиции поминовения // Уральская семья: Сб. науч. трудов. Вып. 5. Екатеринбург: Урал. ин-т социального образования, 2010. С. 30-34; 0,2 п. л.
43. Левченко И.Е. Феномен духовной смерти // Социальные процессы: Сб. науч. трудов. Вып. 7. Екатеринбург: Урал. ин-т социального образования, 2011. С. 85-95; 0,5 п. л.
44. Левченко И.Е. Истоки танатосоциологии // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XX Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана (Екатеринбург, 16-18 марта 2017 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 101-112; 0,6 п. л.
45. Левченко И.Е. Мужество и сопричастность // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XX Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана (Екатеринбург, 16-18 марта 2017 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 115-124; 0,6 п. л.
46. Левченко И.Е. Предыстория социологии революции // Глобальные трансформации XX - начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции): Материалы научной конференции XI Ковалевские чтения (С.-Петербург, 9-11 ноября 2017 г.). СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2017. С. 107-108; 0,1 п. л.

47. Левченко И.Е. Подготовка похорон (социологический экскурс) // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XXI Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана (Екатеринбург, 22-23 марта 2018 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 1438-1450; 0,75 п. л.
48. Левченко И.Е., Богачев А.Н. Генезис танатопсихологии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 155-163; 0,6/0,3 п. л.
49. Левченко И.Е. Проблема смерти в классическом позитивизме // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XXII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана (Екатеринбург, 21-23 марта 2019 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 99-110; 0,7 п. л.
50. Merenkov A., Levchenko I., Grunt E. Teacher in System of Adolescents' Suicidal Behaviour Prevention // Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication. Proceedings of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA) (Moscow, July 24-26th, 2019). М.: Российский университет дружбы народов, 2019. С. 158-164; 0,4/0,1 п. л.
51. Левченко И.Е. Феномен смерти как фактор, дестабилизирующий общественное развитие // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: Сб. науч. тр. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2020. С. 68-73; 0,3 п. л.
52. Levchenko I.E., Merenkov A.V. Exgumation: Past and Present // Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research. XXIII International Conference named after professor L.N. Kogan. Yekaterinburg, 2020. С. 102-110; 0,5/0,25 п. л.
53. Левченко И.Е. Суициды в городской среде (историко-социологический экскурс) // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: Сб. науч. тр. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2021. С. 161-167; 0,3 п. л.
54. Левченко И.Е. Прощальная встреча (социология похорон) // Koionon. 2021. Т. 2. № 4. С. 101-115; 0,9 п. л.
55. Левченко И.Е. Расово-антропологические трактовки смертности // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: Сб. науч. тр. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2021. С. 86-92; 0,3 п. л.
56. Левченко И.Е. Гюстав Лебон как эксперт-танатосоциолог: прозрения и заблуждения // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура: Сб. науч. тр. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2022. С. 174-178; 0,3 п. л.

Подписано в печать 16.11.2022.
Формат 60x84 1/16. Бумага для множительных аппаратов.
Печать на ризографе. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 2,24. Уч.-изд. л. 2,2.
Тираж 100 экземпляров. Заказ

